УДК 141.319.8
Науч. спец. 5.7.8
DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-53-57

Владислав Сергеевич Кузнецов
Омский государственный университет путей сообщения, аспирант, Омск, Россия
e-mail: senpaitokio88@yandex.ru

Гермес как фигура посредничества между речью и молчанием в раннегреческой культуре: философско-антропологическая реконструкция протогерменевтической функции

Аннотация. В статье рассматривается парадокс Гермеса в архаической греческой культуре, где бог вестей и красноречия одновременно мыслится как покровитель сокрытия, хитрости и умолчания. Главным вопросом является то, каким образом эта двойственность задает культурную форму понимания, в которой смысл не исчерпывается произнесенным. Цель работы состоит в реконструкции протогерменевтической функции Гермеса как антропологического механизма перевода между сакральным безмолвием и человеческой речью. Методологически исследование опирается на философско-антропологическую реконструкцию и компаративный анализ мифологических текстов, прежде всего Гомера, Гесиода. Научная новизна заключается в трактовке Гермеса как архетипа антропологической границы, где молчание выступает конститутивным условием понимания. Делается вывод, что протогерменевтика архаики оформляется как искусство управления зазором между речью и молчанием, а понимание возможно лишь при признании непрозрачности бытия, в котором возможно осуществление интерпретации.

Ключевые слова: Гермес, герменевтика, молчание, речь, раннегреческая культура, посредничество, интерпретация.

Vladislav S. Kuznetsov
Omsk State Transport University, Postgraduate Student, Omsk, Russia
e-mail: senpaitokio88@yandex.ru

Hermes as a Figure of Mediation Between Speech and Silence in Early Greek Culture: A Philosophical-Anthropological Reconstruction of the Proto-Hermeneutic Function

Abstract. The article examines the paradox of Hermes in archaic Greek culture, where the god of messages and eloquence is also conceived as a patron of concealment, trickery, and reticence. The central question is how this duality shapes a cultural form of understanding in which meaning is not exhausted by what is said. The aim is to reconstruct Hermes' proto-hermeneutic function as an anthropological mechanism of translation between sacred silence and human speech. Methodologically, the study relies on philosophical-anthropological reconstruction and comparative analysis of mythological and early philosophical texts, primarily Homer and Hesiod. The study's scholarly novelty lies in interpreting Hermes as an archetype of the anthropological boundary, where silence serves as a constitutive condition for understanding. It is concluded that the proto-hermeneutics of the archaic period takes shape as the art of managing the gap between speech and silence, and that understanding is possible only through the acknowledgment of the opacity of being — the realm where interpretation can occur.

Keywords: Hermes, hermeneutics, silence, speech, early Greek culture, mediation, interpretation.

Введение (Introduction)

Актуальность обращения к данной теме определяется не только внутренней логикой философской антропологии, но и состоянием современной культуры общения. Коммуникативное пространство всё чаще переживается человеком как перенасыщенное. Избыток высказываний при дефиците понимания производит информационный шум. На этом фоне тишина обнаруживается в двойном статусе. Она временами воспринимается как разрыв контакта, но также может пониматься как условие смысловой собранности,

© Кузнецов В. С., 2026

Для цитирования: Кузнецов В. С. Гермес как фигура посредничества между речью и молчанием в раннегреческой культуре: философско-антропологическая реконструкция протогерменевтической функции // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 3 (52). С. 53–57. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-53-57

Статья доступна на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

без которой речь теряет направленность и перестает быть событием встречи. Поэтому ясно видна необходимость переосмыслить герменевтику не как частную и специальную технику работы с текстом, а как антропологическую практику, в которой человек учится выдерживать границу между выражением мысли и замолканием, между сообщением и смыслом, между возможностью сказать и обязанностью промолчать.

В этом контексте фигура Гермеса приобретает краеугольное значение. Ее амбивалентность не сводится к мифологической детали. Гермес мыслится богом вестей и красноречия и одновременно связан с сокрытием, хитростью и воровством. Эта форма пограничности позволяет рассматривать его как символическую форму посредничества между уровнями бытия и режимами смысловой данности. Это делает перевод с одного языкового пространства на другое невозможным без умолчания. Цель настоящего исследования состоит в реконструкции протогерменевтической функции Гермеса как антропологического механизма перевода между сакральным безмолвием и человеческой речью. Для достижения этой цели в работе последовательно выявляются антропологические основания образа Гермеса, анализируется структура вестничества как способа перевода через границу между онтологическими уровнями, реконструируется понимание молчания в архаике в его связи с тайной и сакральным удержанием, а также показывается, каким образом его амбивалентность формирует герменевтический зазор, как пространство интерпретации, где понимание возможно лишь при признании непрозрачности бытия.

Методы (Methods)

Выбор методологии определяется предметом исследования и его философско-антропологической направленностью. Философско-антропологическая реконструкция применяется так, как она позволяет рассматривать фигуру Гермеса не в качестве изолированного мифологического образа, а как форму выражения пограничного положения человека в культуре, где конституируются посредничество, конечность понимания и соотнесенность речи с непрозрачностью молчания. Компаративный анализ мифологических текстов необходим для выявления устойчивого смыслового инварианта, сохраняющегося при переходе от образно-мифологического к понятийно-рефлексивному уровню. Обращение к архаическому материалу оправдано тем, что именно в нем фиксируются исходные культурные формы соотношения молчания, речи, которые в последующей традиции становятся предметом философского осмысления.

Литературный обзор (Literature Review)

Степень разработанности проблемы задается классическими и онтологическими версиями герменевтики. В традиции Ф. Шлейермахера и В. Дильтея понимание связано с восстановлением смысловой целостности, в которой психологический и исторический горизонты соотносятся с актом интерпретации [1, с. 29, 45; 2, с. 10, 13–15]. Позднее онтологическая герменевтика, представленная М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером, смещает внимание к бытийному измерению понимания, где интерпретация укоренена в структуре человеческого присутствия и в историчности смысла [3, p. 334–336; 4, с. 193, 298]. Параллельно исследования мифа, в том числе в работах А. Ф. Лосева и К. Кереньи, показывают, что мифологический образ не является наивным рассказом, а фиксирует культурные механизмы, через которые человек осваивает мир [5, с. 2, 9–10; 6, с. 6]. Однако при всей продуктивности этих направлений остается недостаточно разработанным вопрос о молчании как субстанциальной основе герменевтического акта. Молчание часто трактуется как внешний предел речи или как психологическая пауза. Между тем в культурной реальности оно способно выступать условием артикуляции, потому что именно оно сохраняет смысл в модусе неисполненной возможности и делает возможным различение.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Имя Гермеса этимологически сближается с понятием гермы, что фиксирует не частную филологическую деталь, а исходную культурную схему, в которой граница требует знака и признания. Герма в античной практике выступает четырехгранным столбом с головой или бюстом, и ее наименование связывается с тем, что у пелазгов подобным образом изображался покровитель собственности Гермес, а сами столбы ставились на межах земельных владений [7, с. 544]. Тем самым граница мыслится не как нейтральная линия, а как осмысленный порог. Она должна быть видимой, различимой и интерпретируемой. Позднейшая функция герм как указателей и охранительных памятников показывает расширение этого смысла, поскольку знак границы начинает сопровождать переход, дорогу и само пространство совместной жизни [7, с. 544]. Уже здесь раскрывается мотив Гермеса, как перекрестка и перехода. Смысл тут удерживается не в форме полного высказывания, а в форме культурной отметки, которая направляет и ограничивает.

Антропологический же аспект состоит в том, что человек постоянно пребывает в пограничной ситуации. Человек соотносит себя с известным и неизвестным, с возможным и недоступным, с высказанным и невысказанным. Понимание возникает не в зоне полной прозрачности, а там, где субъект способен выдержать порог. В этом разрезе молчание уже не просто отсутствие речи. Оно становится условием различения, потому что «удержанное» формирует меру сказанного и не позволяет смыслу раствориться в избыточной артикуляции. Поэтому фигура Гермеса как бога границ является символической формой антропологической предельности. Исходя из этого, любое движение к смыслу проходит через промежуток между выражением и удержанием [2, с. 64, 69].

Рассматривая функцию вестника, следует прояснить, что она конкретизирует пограничность смыслов в модусе перевода. Гермес указывается как глашатай богов и гонец, исполняющий волю Зевса и приводящий события к разрешению [7, с. 546]. Таким он предстает перед нами в древнегреческом видении Гомера и Гесиода [8, с. 54; 9, с. 145, 162, 205].

Однако послание, исходящее от богов, не переходит в человеческую речь без остатка. Перевод всегда сопряжен

с неполнотой и риском смещения. Это исходит из предела артикуляции — он конечен. Сакральное же не сводится к знаку. Из этого следует, что посредничество Гермеса не является механическим переносом сообщения. Оно предполагает управление дистанцией между источником и адресатом. Становится ясно, что часть смысла неизбежно удерживается, а значит, молчание выступает внутренним условием герменевтического акта, а не внешним препятствием. В этой точке граница и обнаруживает герменевтический смысл. Понимание становится возможным как событие, в котором сказанное опирается на несказанное и потому сохраняет направленность [3, p. 421–423; 4, с. 193, 298].

Переход к молчанию как истоку оказывается самым логичным выводом заданной темы. Если герма фиксирует порог как знак различения, то сакральная культура архаики радикализирует этот порог и переносит его с пространства на смысл. Молчание не мыслится как случайная пауза речи. Оно выступает режимом охраны тайны, без которого сакральное теряет собственную плотность и превращается в общедоступное сообщение. В этой перспективе молчание есть не отрицание, а дисциплина, удерживающая знание в форме допуска, а не сообщения. Входя в область священного, архаический человек не получает готового смысла как объяснения; смысл открывается ему лишь через сдержанность, через удержание границы между явленным и сокрытым [5, с. 10; 10, с. 12–13].

Мистериальная традиция выступает здесь не внешним историческим фоном, а самой моделью понимания. Тайна мистерий есть не простой недостаток сведений, а форма сакральной данности, в которой знание неотделимо от запрета на разглашение, а запрет — от ответственности посвященного. В мифологической памяти это единство связано с Элевсином, где Евмолп мыслится как родоначальник и хранитель данного культового порядка, а сама традиция утверждает его причастность к таинствам как институции сакрального допуска [7, с. 752]. Здесь молчание приобретает культурно-онтологический смысл. Оно не скрывает произвольно. Оно удерживает смысл в его непрозрачности, не позволяя произнесенному исчерпать то, что превышает человеческую артикуляцию [6, с. 40–41, 46–47; 11, с. 306–310].

Некоторое соединение тайны, перехода и молчания становится более явным, когда раннегреческая фигура Гермеса входит в герметическую традицию. В исследовании о мистериальном характере герметизма подчеркивается взаимовлияние греческого и египетского горизонтов и прослеживается связь Гермеса с египетскими мистериями [12, с. 70]. Внутри этого поля герметизм описывается как явление, в котором материальная сторона культа может быть отодвинута, а само содержание приобретает форму особого знания, передаваемого через слово, но не совпадающего с обычной публичной речью. Характерно, что герметизм в интерпретации последователей определяется как своего рода мистерия слова. В отсутствии типичных мистериальных компонентов это становится принципиальным признаком [12, с. 72]. Из этого не трудно сделать вывод, что сакральное сохраняет свою тайну даже тогда, когда оно формально артикулировано. «Слово высказанное» не снимает молчания, оно лишь переводит его в иной режим, где молчание присутствует как внутренняя граница высказанного.

Явленный теперь перед нами Гермес перестает быть лишь богом перехода и сообщения. Его фигура получает внутреннюю связь с молчанием, в виде предельной формы знания. Хтоническое измерение Гермеса раскрывается в образе психопомпа, проводника душ в подземном мире [7, с. 546]. Эта функция важна не из-за тематизации смерти как биологического факта, а как указание на область бытия. Здесь слово становится недостаточным, смысл (выражаемый им) не принадлежит живой речи. Смерть производит разрыв в порядке очевидности. Поэтому потустороннее знание, даже когда оно допускается, допускается через проводник. Проводник же предполагает удержание. Переход из одного мира в другой требует радикальной смены формы. Эта трансформация неизбежно теряет часть первоначального смысла, но не перестает в нем нуждаться. В подобных случаях мы заглядываем в оригинальное издание, дабы убедиться, что переводчик выбрал удачный эквивалент иностранному слову, которым автор выражал смысл.

Стоит заметить, Гермес в этом качестве символизирует не только перемещение между речевыми уровнями, а перевод смыслов, неизбежно образующий остаток несказанного. Он как бы выступает гарантом сохранения смысла. Утеряв его в переводе, он не теряет его совсем, а оставляет в пространстве молчания, где смысл ожидает своего искателя. Тут же молчание и становится атрибутом не немоты, а предельности, которая конституирует возможность понимания как напряжение между сказанным и тем, что сказанным не становится.

Методологически этот тезис согласуется с герменевтической установкой, согласно которой понимание есть не механическое применение правил, а практическое искусство, связанное со слухом и способностью принимать и выдерживать смысл, прежде чем его закрепить [13, с. 8]. В таком понимании молчание входит в структуру интерпретации как условие слышимости. Оно сдерживает импульс немедленного проговаривания и тем самым освобождает пространство, где смысл может быть распознан как нечто большее, чем информативное сообщение. Современная герменевтическая феноменология показывает, что молчание как практика не обрывает речь, а делает возможным более первичное раскрытие феномена, чем та говорливость, которая производит поверхностные искажения [14, p. 37–38; 15, с. 68, 100].

Протогерменевтика архаики предстает как культурная техника управления зазором между речью и молчанием, где понимание осуществляется через признание непрозрачности бытия и через дисциплину допуска, а фигура Гермеса связывает эту технику с пороговыми режимами человеческого существования. Сакральное безмолвие архаики удерживает истину как недоступную прозрачности полноту. Фигура Гермеса открывается как начало, через которое смысл передается, но вместе с тем и не исчерпывается. Посредничество здесь уже не есть нейтральная передача; оно выражает саму антропологическую ситуацию сообщения, в которой всякое слово несет в себе возможность

сокрытия и сбоя. Поэтому непонимание выступает не случайным дефектом, а внутренним основанием самой коммуникации, делающим истолкование необходимой работой с неявным и не вполне обеспеченным смыслом. Тем самым герменевт оказывается посредником между различными порядками значимости, ибо сообщенное изначально не совпадает вполне с тем, что должно быть понято [1, с. 64–72; 16, p. 4].

Эта логика особенно ясно выражена в мифопоэтическом образе Гермеса-трикстера. Его хитрость и воровство имеют не столько моральный, сколько символический смысл. В них культура закрепляет неизбежное расхождение между сказанным и удержанным. В гомеровском гимне Гермес приобретает репутацию бога языка и коммуникации буквально в горизонте кражи и обмана. Причем сама способность к словесной ловкости тематизируется как техника ухода от прямой ответственности и как умение обходить границы смысла. В этом сюжете показательно, что «клятвенные» формулы Гермеса могут функционировать как не доведенные до завершения клятвы. Их внешняя форма удостоверения сохраняется, но обязательство снимается. Демонстрируется не случайная казуистика, а структурная модель передачи смысла. Акт подтверждения и акт сокрытия сплетаются. Взросление Гермеса описывается как переход от детской лукавости к зрелым практикам обмена и дипломатии. Повзрослев, он сохраняет напоминание о его неустранимой скользкости, продолжая «обманывать» людей. Это означает, что посредничество не отменяет трикстерного остатка. Это институционализирует его в культурных формах договора и доверия [17, p. 20–21; 18, с. 16–17]. Отсюда яснее становится, почему понимание не может мыслиться как чистая прозрачность. Оно конституируется через допущение непонимания, а также через принятие того, что смысл всегда передается с утратой, сдвигом и добавлением. Посредник не просто связывает два полюса. Он удерживает между ними зазор, в котором смысл становится возможным как интерпретация. Именно поэтому герменевтическая функция Гермеса в протологике архаики может быть понята как управление пределом между речью и молчанием, а не как устранение этого предела. Такая перспектива позволяет увидеть в хитрости и воровстве Гермеса метафору неизбежного умолчания при переводе, где сообщение не исчерпывает того, что «есть», и тем самым открывает пространство истолкования [16, p. 4].

Переход к письму радикализирует данный зазор, поскольку фиксирует речь и тем самым производит особую форму молчания. Письменное слово сохраняет сказанное, но делает невозможным ответ, уточнение и защиту смысла в актуальном диалоге [18, с. 13]. В этом отношении платоновская критика письма может быть прочитана как ранняя феноменология немоты текста, который выглядит живым, но остается безгласным при обращении к нему. Такая немота не уничтожает речь, но превращает ее в след и в «застывшую» артикуляцию, которая циркулирует среди тех, кто может не понимать адресата и контекста. В результате письмо становится не просто носителем смысла, а источником герменевтической необходимости, поскольку фиксированное высказывание требует повторного оживления в акте понимания. В аналитической традиции это выражается через понятие текста как дискурса, закрепленного письмом, где фиксация не прибавляет новую «событийность» смысла, но изменяет режим его существования и делает интерпретацию структурно неизбежной [16, p. 5; 19, p. 329–330].

В таком контуре протогерменевтическая схема может быть реконструирована как движение от сакрального безмолвия, которое сохраняет истину в модусе невыразимости, к медиативной фигуре Гермеса, которая переводит и одновременно деформирует, а затем к человеческой речи, которая артикулирует смысл, но не снимает его непрозрачности. При этом обратный ход не исчезает. Он сохраняется в тех практиках, где коммуникация с божественным осуществляется не через развернутое высказывание, а через ритуально оформленное действие, жест и клятву, т. е. через такие формы, которые соединяют произнесенное и удержанное, явное и скрытое. Символическая система посредничества тем самым замыкается не на тождество смысла, а на его циркуляцию между речью и молчанием, где понимание возможно лишь постольку, поскольку признается неизбывная разность между бытием и его сообщением [16, p. 4–5; 17, p. 20].

Заключение (Conclusion)

Проведенная реконструкция позволяет рассматривать Гермеса не как декоративного мифологического персонажа и не как внешнее оправдание этимологии герменевтики, а как архетипическую фигуру человеческого существования в модусе промежуточности, того, что в немецкой традиции обозначается понятием Zwischensein. В раннегреческом горизонте Гермес удерживает саму форму перехода. Он делает видимым то, что в обыденном опыте обычно скрыто, а именно зависимость понимания от границы, которая одновременно разделяет и соединяет. Посредничество в этом смысле является не функцией сообщения, а культурной операцией, задающей условия, при которых смысл вообще может стать человеческим.

Тем самым молчание в архаике раскрывается как неустранимая основа, из которой речь возникает и на которую она постоянно опирается. Молчание не редуцируется к отсутствию слов и не сводится к случайной паузе. Оно выступает способом сакрального удержания, режимом допуска и охраны тайны. Смысл сохраняет плотность именно потому, что не становится полностью проговоренным. Речь, напротив, оказывается не победой над молчанием, а его продолжением в ином регистре.

Протогерменевтическая функция Гермеса выражает саму антропологическую способность удерживать напряжение между первоначальной непрозрачностью бытия и человеческой его артикуляцией. Понимание не есть простое совпадение с уже готовым смыслом. Оно совершается как переход, как перевод из одного бытийственного плана в другой, и потому по самому существу своему связано с риском искажения, с неизбежным остатком несказанного и с необходимостью интерпретативного усилия. Поэтому умолчание надлежит мыслить не как внешнее ограничение, а как внут-

ренний, необходимый коррелят понимания, сохраняющий дистанцию и тем самым предохраняющий смысл от распадения в ложной и поверхностной ясности.

Научная новизна работы состоит в обосновании архаического характера самого акта понимания. Понимание здесь есть не расшифровка заранее наличных значений, будто бы существующих независимо от воспринимающего сознания, а рискованный переход из тишины в слово. Всякое высказывание несет на себе след исходного безмолвия и именно поэтому никогда не замыкает смысла окончательно. Гермес предстает как культурная форма, в которой раннегреческое сознание выражает саму возможность понимания как перехода. Этот переход требует не только слова, но и молчания.

1. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб. : Европейский Дом, 2004. 242 с.

2. Дильтей В. Сущность философии / пер. с нем. ; под ред. М. Е. Цельтера. М. : Интрада, 2001. 154 с.

3. Gadamer H.-G. Truth and Method / transl. revised by J. Weinsheimer, D. G. Marshall. 2nd rev. ed. London ; New York : Continuum, 2004. 637 p.

4. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. В. В. Бибихина. М. : Республика, 1993. 447 с.

5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» / сост., подгот. текста, вступ. ст. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого ; коммент. В. П. Троицкого. М. : ЯСК, 2021. 696 с.

6. Кереньи К. Дионис: прообраз неиссякаемой жизни / пер. с нем. А. В. Фролова, Л. Ф. Поповой. М. : Ладомир, 2007. 319 с.

7. Обнорский В. Энциклопедия классической греко-римской мифологии. Б. м. : Остеон Групп, б. г. 2244 с.

8. Гомер. Илиада. Одиссея / пер. В. В. Вересаева ; коммент. А. А. Тахо Годи. М. : Просвещение, 1987. 365 с.

9. Гесиод. Полное собрание текстов. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла. Фрагменты / вступ. ст. В. Н. Ярхо ; коммент. О. П. Цыбенко, В. Н. Ярхо. М. : Лабиринт, 2001. 256 с.

10. Античность как тип культуры / отв. ред. А. Ф. Лосев. М. : Наука, 1988. 336 с.

11. Петров В. В. Карл Кереньи об архетипе ученого и жреца // Цивилизация и варварство. 2021. Вып. X. С. 304–325. DOI: 10.21267/AQUILO.2021.10.10.013

12. Золотухина А. И. Неуловимый Гермес: к вопросу об идентификации Гермеса и Тота и мистериальном характере герметизма // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 4, ч. 1. С. 70–82. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.1-70-82

13. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы : Коллоквиум, 2011. 430 с.

14. Dal Monte D. A Hermeneutical Phenomenology of Silence // Investigaciones Fenomenolygicas. 2024. No. 21. P. 37–58.

15. Хайдеггер М. Постижение смысла / пер. с нем. А. В. Перцева, О. А. Матвейчева. 2-е изд., доп. СПб. : Алетейя, 2022. 366 с.

16. Husain H. S. Schleiermacher's Universal Hermeneutics and the Problematics of Rule-Following // Science & Philosophy. 2018. Vol. 6, no. 1. P. 3–14. DOI: 10.23756/sp.v6i1.408

17. Fletcher J. A Trickster's Oaths in the Homeric Hymn to Hermes // American Journal of Philology. 2008. Vol. 129, no. 1. P. 19–46. DOI: 10.1353/ajp.2008.0018

18. А. Ф. Лосев: творчество, традиции, интерпретации. М. : Водолей, 2014. 448 с.

19. Mortensen C. Plato's Pharmacy and Derrida's Drugstore // Language & Communication. 2000. Vol. 20, iss. 4. P. 329–346. DOI: 10.1016/S0271-5309(00)00002-1